Дмитрий ФУРМАН

ВЕРУЮЩИЕ, АТЕИСТЫ И ПРОЧИЕ

НОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РОССИЙСКОЙ РЕЛИГИОЗНОСТИ

В 1990—1992 ГОДАХ мне довелось принимать участие в большом социологическом исследовании религиозности в позднесоветской-постсоветской России, результаты которого были опубликованы в ряде изданий (*см. Д. Фурман.* Религия и политика в современном массовом сознании. — «Вопросы философии», 1992, №7; *С. Филатов, Д. Фурман.* Религия и политика в массовом сознании. — «Социологические исследования», 1992, №7; *Л. Воронцова, С. Филатов, Д. Фурман.* Религия и политика в современном массовом сознании. — «Религия и политика в посткоммунистической России». М., 1994). Затем участники исследования прекратили работу — не хватило сил и денег (а главное — сил на добывание денег). Но в это же время начала свое исследование российской религиозности группа финских и российских ученых под руководством К. Каариайнена, проводившая в 1991-м, 1992-м и 1996 годах всероссийские опросы (выборка 1996 года — 1664 человека). Вопросы, задававшиеся финскими исследователями, работавшими в рамках Всемирной программы изучения ценностей (World Values Survey) были несколько иными, чем наши вопросы, и, как мне представляется, не всегда подходящими для России. Тем не менее наши результаты вполне сопоставимы, и я очень благодарен К. Каариайнену, а также Х. Хейно, Й. Сихво и В. Андреенкову за предоставленную мне возможность ознакомиться с материалами их опроса 1996 года и использовать их. Цель данной статьи — частично интерпретировать полученные финскими учеными данные, сравнивая их с результатами наших, более ранних исследований. Более полный анализ этих материалов будет опубликован в Финляндии в сборнике на английском языке.

ПЕРВОЙ (И САМОЙ ПРОСТОЙ) ЗАДАЧЕЙ — как наших, так и финских исследователей, — было оценить масштабы того движения от атеизма к религии, которое началось еще в 70-е, но приобрело массовые размеры в конце 80-х — начале 90-х, явившись составной частью нашей «антикоммунистической революции». Согласно нашим исследованиям, удельный вес лиц, отвечающих «да» на вопрос, верят ли они в Бога, повысился у нас с 1990-го по 1992 год с 29 до 40 процентов; по данным финских исследователей, он повысился с 1991-го по 1996 год с 35 до 47 процентов. Многие из этих людей, однако, относят себя не к верующим, а к колеблющимся или даже неверующим; верующими же обозначили себя в 1996 году только 34 процента. Данные, как мы видим, вполне сопоставимые и говорят как о значительном росте числа верующих, так и о явной тенденции к замедлению этого роста, о конце эпохи «религиозного бума».

Однако самоидентификация себя как «верующих» или ответ «да» на вопрос «верите ли Вы в Бога» в наше время, время господства позитивного отношения к религии, очень мало говорят о реальном мировоззрении человека. Опросы, проводившиеся в советскую эпоху, как известно, демонстри-

ФУРМАН Дмитрий Ефимович — главный научный сотрудник Института Европы РАН, доктор исторических наук.

ровали массовый атеизм. Между тем исследование финских социологов показывает, что сейчас только 3 процента говорят о своей матери как об атеистке и только 8 процентов — об отце как об атеисте. Поэтому, даже если предположить, что советские социологи не подтасовывали данные и люди не боялись давать правдивые ответы на вопросы, эти ответы были «конформистские», люди отвечали то, что от них ждали, так, как отвечать было «прилично». Но сейчас в громадной мере конформистским является определение себя как верующего. Стоит чуть-чуть «копнуть» эту «веру в Бога», как выясняется, что за ней у большинства не стоит почти никакого реального содержания. Достаточно сказать, что только 38 процентов «верующих» представляют себе Бога как личность, а 40 процентов — как «жизненную силу», лишь 45 процентов верят в загробную жизнь, 52 — в существование рая, а 46 — ада и только 49 процентов «верующих» согласились с утверждением «жизнь имеет смысл потому, что есть Бог«. Посещаемость церкви не реже раза в месяц, по данным финских ученых, фиксировалась у нас в 1991 году на уровне 6 процентов, в 1996-м — 7 процентов (один из самых низких уровней в Европе, ниже только Беларусь и Латвия) и даже среди «верующих» достигла лишь уровня 18 процентов.

Поэтому финские социологи поступили совершенно правильно, выделив группу более или менее «серьезных» верующих, которых они назвали «традиционными верующими», и включив в нее лиц, одновременно дающих положительные ответы на вопрос: «Верите ли Вы в Бога» (47 процентов опрошенных), видящих в Боге личность, а не силу (15 процентов), считающих себя православными (33 процента всех опрошенных, при 3 процентах лиц иных конфессий и 64 процентах не знающих, как себя определить; 65 процентов от числа верующих) и верующими (34 процента опрошенных), а также, по их словам, часто молящихся (13 процентов). Таких, однако, как выяснилось, ничтожно мало — всего 4 процента. Да и их «ортодоксальность» при ближайшем рассмотрении оказывается несколько сомнительной. Так, даже среди них только 65 процентов верят (и 14 процентов не верит) в загробную жизнь, 29 процентов верят в астрологию и 41 процент (цифра настолько большая, что вызывает сомнения) — в переселение душ. Думается, если бы финские социологи еще немного «ужесточили» критерии включения в категорию «традиционных верующих», она, очевидно, просто исчезла бы из выборки.

Верующие (не «нормальные», «традиционные» верующие, а просто люди, именующие себя верующими) — группировка растущая, хотя ее рост и замедляется. Атеисты (вернее, опять-таки правильнее было бы сказать не «атеисты», а люди, идентифицирующие себя как атеисты), напротив, — группа, численно уменьшающаяся, хотя ее сокращение замедляется. По нашим данным, атеистов в 1990 году было 16 процентов, в 1991-м — 11, в 1992-м — 8 процентов. По данным финских исследователей, в 1996 году атеистами у нас именовали себя 5,5 процента опрошенных. Это — то, что осталось от советского массового атеизма, его «твердого ядра», которое вряд ли дальше будет быстро уменьшаться. Характерно, что если понятия «верующий» и «православный» по мере роста числа называющих себя верующими становятся все более лишенными сколь-либо ясного мировоззренческого содержания, то атеисты, напротив, по мере уменьшения их численности, потери ими конформистской массы, становятся «идейно чище». Мы приводили выше громадные цифры верящих в астрологию и реинкарнацию среди вроде бы самой идейно определенной группы — «традиционных верующих». Между тем среди атеистов верят в реинкарнацию — только 3 процента, в астрологию — 19 процентов.

Обращает на себя внимание одна интересная особенность мировоззрения современных российских атеистов. Хотя это — довольно стойкие люди, выдержавшие натиск «религиозной волны», они, если можно так выразить-

ся, не очень «верят в себя». «Очень положительно» и «положительно» относятся к православию 66 процентов атеистов (среди всех опрошенных — 88 процентов); 29 процентов атеистов считают, что церковь дает ответы на моральные вопросы; столько же — что она удовлетворяет духовные нужды человека. Теперешний атеист — не «воинствующий безбожник» 20-х годов, это — атеист «для себя», не верующий в Бога, но верящий, что религия в целом — полезна.

Абсолютное большинство россиян, однако, — не атеисты и не верующие. Как «колеблющихся» и «нерелигиозных» определили себя только 53,4 процента населения (и еще 6 процентов вообще не сумели себя определить). Но если мы примем во внимание, что большинство «верующих» в строгом смысле никак верующими не являются (даже 4 процента «традиционных верующих» — цифра, основанная на очень либеральных критериях «традиционности»), а среди атеистов тоже есть меньшинство, имеющее отнюдь не атеистические представления, то людей с неопределенным — не религиозным и не атеистическим — мировоззрением окажется именно абсолютное большинство, почти весь современный русский народ. Эта колоссальная зона «мировоззренческой неопределенности» отчасти заполняется сейчас отдельными, логически не связанными друг с другом, не образующими единой системы верованиями — в астрологию, переселение душ, колдовство и т.п. Наши опросы 1990—1992 годов показали, например, рост веры в переселение душ за этот период с 8 до 11 процентов, опросы финских социологов — с 17 процентов в 1991-м до 20 процентов в 1996 году.

Интересно, однако, рассмотреть не просто количественные соотношения отдельных мировоззренческих групп — верующих, атеистов и «прочих» и их динамику, но и распространение этих групп в разных демографических и социальных категориях. Как мы сейчас увидим, оба наших мировоззренческих меньшинства почти по всем параметрам являют собой яркие противоположности, а все прочие — как бы располагаются между ними. Атеисты — группа «мужская» (мужчин — 70 процентов), традиционные верующие — «женская» (78 процентов женщин, среди всех верующих — 69 процентов). Среди атеистов — несколько больше, чем среди всех опрошенных, лиц, состоящих в браке (65 и 62 процента соответственно), и несколько меньше разведенных (10 и 11 процентов). Среди традиционных верующих, наоборот, состоящих в браке — только 46 процентов, а разведенных — 37 процентов, причем 28 процентов (значительно больше, чем среди всех респондентов, в составе которых их 15 процентов) — людей, живущих в одиночестве, без семьи. Атеисты — значительно образованнее «среднего русского» — только 7 процентов лиц с незаконченным средним образованием (при 19 процентах таких в выборке) и 32 процента лиц — с высшим образованием (при 22 процентах в выборке). Традиционные верующие — значительно менее образованы, чем «средний русский» и тем более — «средний русский атеист». Среди них 48 процентов людей с незаконченным средним образованием и только 14 процентов — с высшим (среди всех верующих — соответственно 31 и 18 процентов). Атеисты — скорее горожане по происхождению. До 16 лет в деревне жили 35 процентов атеистов (в выборке — 36 процентов), в большом городе — 25 процентов (в выборке — 22 процента). Традиционные верующие, напротив, в большинстве — выходцы из деревни, 56 процентов из них жили в деревне до 16 лет. Атеисты — богаче среднего русского. Личный доход более 500 тысяч рублей в месяц имеют 55 процентов атеистов и 48 процентов опрошенных, семейный доход более 1,5 миллиона рублей — 46 процентов атеистов и 44 процента опрошенных. Традиционные верующие — значительно беднее «среднего русского». Среди них лиц с личным доходом более 500 тысяч рублей — только 27 процентов, с семейным доходом более 1,2 миллиона рублей — только 29. Вообще размеры личного дохода удивительно точно соответствуют градациям от традицион-

ного верующего до атеиста — 27 процентов с доходом выше 500 тысяч рублей среди традиционных верующих, 37 — среди просто верующих, 53 — среди колеблющихся, 54 — среди нерелигиозных и 55 процентов — среди атеистов. Среди традиционных верующих очень много пенсионеров — 58 процентов, что значительно больше, чем среди атеистов (22 процента) и всех опрошенных (23 процента).

Однако не по всем социальным и демографическим характеристикам традиционные верующие и атеисты отклоняются от «средних русских» в противоположных направлениях. По двум объективным характеристикам они ближе друг к другу, чем к остальной массе, к «прочим». Во-первых, хотя в постсоветскую эпоху осложнилось экономическое положение большинства населения, у атеистов и традиционных верующих оно ухудшилось несколько сильнее, чем в среднем. Так, по сравнению с 1991 годом, очень тяжелым последним годом СССР, материальное положение улучшилось у 9 процентов атеистов, 10 процентов традиционных верующих и у 13 процентов всех опрошенных; ухудшилось соответственно — у 21, 20 и 16 процентов. Таким образом, и атеисты, и традиционные верующие теряют свои экономические позиции. Во-вторых, и атеисты, и традиционные верующие заметно старее большинства населения. Лиц 18—28 лет среди атеистов — 16 процентов, среди традиционных верующих — 9 процентов, в выборке — 19 процентов; 29—39 лет соответственно — 17, 11, 23 процента; 60—69 лет — 16, 24, 7 процентов, свыше 70 лет — 10, 29 и 7 процентов. Обе наши определенные, четкие позиции в отношении религии — позиции стариков, а «нормальная», «традиционная» религиозность — позиция еще более глубоких стариков, чем атеизм. При этом похоже, что резервы расширения «традиционной религии» уже исчерпаны. Чисто теоретически категорию просто «верующих» можно рассматривать как «резерв» группы традиционных верующих (на деле, это, конечно, не так). Но и эта категория — отнюдь не «молодежная». Среди всех верующих лиц 18—28 лет — 18 процентов, 29—39 лет — 16 процентов, 60—69 — 19 процентов и старше 70 лет — 13 процентов. Мы видим, что представителей самой молодой возрастной группы среди традиционных верующих — несколько больше, чем следующей по возрасту, что является, несомненно, результатом «религиозного бума» конца 80-х — начала 90-х. Но даже у просто «верующих» и представителей этой, оказавшейся под наибольшим воздействием недавней религиозной волны возрастной группы все равно — меньше, чем в выборке в целом (18 и 19 процентов), а стариков старше 70 лет — значительно больше (13 и 7 процентов). Людей, называющих себя православными, среди самых молодых — меньше, чем в любой другой возрастной группе (25 процентов, в выборке — 33 процента). И позитивные характеристики для православной церкви молодежь выбирает реже, чем люди старшего возраста.

Таким образом, если принимать во внимание не чисто словесную «веру в Бога», а что-то хоть мало-мальски определенное, то никаких драматических изменений в России за время «антикоммунистической революции» не произошло. Разумеется, в эти годы и несколько раньше в церковь пришла значительная группа молодых интеллигентных людей. Но хотя эти люди даже более или менее заметны «в кругах московской интеллигенции», статистически они — крохотное, «выскользающее из пальцев» меньшинство. Переходы в группу традиционных верующих — очень редки (только 5 процентов из них имели нерелигиозную мать и 1 процент — мать-атеистку, лишь 12 процентов — нерелигиозного и 5 процентов — атеиста-отца; у атеистов религиозные родители встречаются значительно чаще), и резервов для расширения у этой группы не «просматривается».

Данные финских социологов подтверждают вывод, к которому мы пришли раньше, на материале 1990—1992 годов: о крайней слабости «второго удара русского идеологического маятника» — от атеизма обратно к религии.

В 1996 году эта слабость стала еще очевиднее, еще рельефнее, ибо «религиозный бум» вместе со всей нашей «антикоммунистической революцией» уже кончился (драматических событий типа гибели КПСС и СССР впереди не предвидится) и можно подводить его более чем скромные итоги. Наиболее яркие изменения произошли в самой поверхностной сфере — в переходе от официального атеизма к практически официальному православию, от разрушения к восстановлению Храма Христа Спасителя и от торжественных партсобраний к торжественным молебнам. Но чем на более глубокие уровни мы спускаемся, тем меньше оказывается изменений. Так, называть себя верующими и говорить, что они верят в Бога, стало действительно много народа, но, если разобраться, на самом деле не так уж и много: наши 47 процентов заявляющих, что они верят в Бога, — мало не только по сравнению с такими странами, как США (93,3 процента) или Польша (94 процента), но и с такой нерелигиозной страной, как Франция (57,1 процента). Если же спуститься еще глубже и посмотреть, что́ именно скрывается за «верой в Бога», мы увидим: изменения весьма невелики, а удельный вес «настоящих» верующих отнюдь не вырос.

Действительно выросли численно и укрепили свои социальные позиции не традиционные верующие и даже не просто верующие, а группа лиц с неопределенным, эклектическим и причудливым мировоззрением. В каждой более молодой возрастной группе, как показывают материалы финских социологов, людей, верящих в астрологию и реинкарнацию, больше, чем в следующей по возрасту. Так, из лиц 18 — 28 лет в реинкарнацию верят 28 процентов, 29 — 39 лет — 21 процент, старше 70 лет — 14 процентов, в астрологию соответственно — 49, 44 и 18 процентов. И среди верящих в астрологию и реинкарнацию больше, чем в населении, лиц с высшим образованием (26 и 22 процента) и людей, имеющих самый высокий доход — (56 и 48 процентов). Реальная мировоззренческая эволюция почти не затрагивается революционными изменениями в официальном отношении к религии и чисто словесным переходом от «массового атеизма» к массовой «вере в Бога», и идет она в направлении ко все большей идеологической, мировоззренческой неопределенности и эклектичности.

ИЗ МАТЕРИАЛОВ ОПРОСА 1996 года возникает социальный облик традиционных верующих, почти идеально совпадающий с их портретом, создававшимся «научно-атеистической» литературой советского времени, рассматривавшей религию как «пережиток», сохраняющийся в отсталых и социально маргинальных слоях. Психологические характеристики «традиционных верующих» и атеистов еще больше соответствуют стереотипам антирелигиозной пропаганды. Атеистическое меньшинство по сравнению с населением в целом — меньшинство счастливое, уверенное в себе и смело глядящее в будущее; традиционные верующие — меньшинство несчастное, не уверенное в себе и боящееся и настоящего и будущего.

«Счастливых» и «очень счастливых» среди атеистов — 63 процента, среди традиционных верующих — 45 процентов, среди всех опрошенных — 51 процент; «очень несчастных» — 3, 14 и 6 процентов. «Полностью недовольных жизнью» — 10, 22 и 13 процентов. Недовольство жизнью по сравнению с позднесоветским временем выросло во всех группах, но и пять лет назад традиционные верующие были самыми недовольными, а атеисты — самыми довольными. Полностью недовольным жизнью пять лет назад не назвал себя ни один атеист, но назвали себя 4 процента традиционных верующих и 3 процента всех респондентов; полностью довольными — соответственно 16, 9 и 11 процентов. Довольны семейной жизнью — 16 процентов атеистов, 12 процентов традиционных верующих и 14 процентов населения, недовольны — 10, 15 и 9 процентов. Очень горды своей работой (вопрос задавался только работающим) — 19 процентов атеистов, 8 процентов традиционных верующих и 12

процентов опрошенных, в какой-то мере горды — 26, 19 и 27 процентов. Полностью недовольны финансовым положением — 22, 32 и 23 процента.

Для традиционных верующих характерен больший страх перед миром, чем для населения в целом и тем более — для «излучающих оптимизм» атеистов. Так, ощущают, что не обладают никакой свободой выбора, 6 процентов атеистов, 24 процента традиционных верующих и 7 процентов опрошенных; что, наоборот, обладают очень большой свободой — соответственно 19, 7 и 11 процентов. Даже согласных с тем, что жизнь не имеет смысла, среди традиционных верующих (7 процентов) больше, чем среди всех опрошенных (5 процентов, среди атеистов — тоже 7 процентов). В наше время почти никто не считает, что люди стали лучше. И все же среди атеистов нашлось 4 процента полагающих, что люди сейчас помогают друг другу охотнее, чем раньше. Среди традиционных верующих таких не нашлось вообще. Естественно, что у традиционных верующих — больший страх перед «чужими», чем у «среднего русского» и тем более — у атеистов. Так, не хотели бы иметь соседями людей иных рас 8 процентов атеистов, 11 процентов верующих и 10 процентов опрошенных; мусульман — 10, 16 и 15 процентов; иммигрантов и иностранных рабочих — 6, 14 и 12 процентов; евреев — 7, 13 и 9 процентов; вообще людей иных национальностей — 3, 5 и 4 процента.

С бóльшим страхом, чем «средний русский», вглядываясь в окружающий мир, традиционный верующий испытывает и больший страх перед будущим. Часто думают о смерти 17 процентов атеистов, 48 процентов традиционных верующих и 19 процентов всех опрошенных. Уверены, что через пять лет будут полностью недовольны жизнью, 7 процентов атеистов, 11 процентов традиционных верующих и 6 процентов в выборке в целом; уверены, что будут полностью довольны, — соответственно 9, 3 и 10 процентов. Считающих, что при больших переменах надо быть особенно осторожными, — 9 процентов атеистов, 28 процентов традиционных верующих и 13 процентов всех опрошенных; испытывающих при таких переменах прежде всего беспокойство — 10, 29 и 13 процентов; полагающих, что «старые идеи — самые лучшие», — 14, 25 и 14 процентов, что «новые идеи — лучше» — 8, 4 и 5 процентов. Со всем этим вполне согласуется и то, что 46 процентов традиционных верующих — значительно больше, чем атеистов (31 процент) и всех опрошенных (тоже 31 процент), — считают, что приказы начальства надо выполнять без размышлений, и только 19 процентов (атеистов — 37 процентов, всех опрошенных — 33 процента), считают, что надо сначала убедиться в их правоте.

Таким образом, сказать про наших традиционных верующих: «Блажен, кто верует, тепло ему на свете» — нельзя. Им совсем не тепло, а холодно. Тепло скорее атеистам; а «обычным» людям — не верующим, не атеистам — не тепло и не холодно. Даже группа лиц, верящих в астрологию и реинкарнацию, — значительно оптимистичнее и увереннее в себе, чем наш средний «традиционный верующий». Откуда же эти различия верующих, атеистов и «прочих»? Очевидно, не от религии и не от атеизма, выявить влияние которых на психологию на основании имеющегося материала невозможно. Для этого надо было бы сравнить идентичные в социально-демографическом отношении группы «чистых» верующих и «чистых» атеистов. Но при очень небольшом числе и тех и других в выборке и в населении (при этом обе эти группы, особенно традиционные верующие, не очень «идейно чистые») и при громадных социально-демографических различиях между ними — такие группы были бы ничтожно малы. В основном, безусловно, эти психологические различия — следствие различий объективных, социально-демографических. Образованный, относительно обеспеченный, со стабильным семейным положением мужчина несколько старше средних лет, доминирующий среди атеистов, не может не быть оптимистичнее и увереннее в себе, чем определяющая социальный облик традиционных верующих необразованная, бедная, часто — разведенная и

одинокая пожилая женщина деревенского происхождения. Религия для такой женщины — средство обрести душевный покой (97 процентов традиционных верующих находят в религии именно покой), и, не будь у нее религии, она была бы еще несчастнее.

ИССЛЕДОВАНИЕ ФИНСКИХ УЧЕНЫХ показывает не только большие психологические различия традиционных верующих и атеистов, но и значительные различия между ними в сфере моральных оценок.

Наиболее существенны эти различия в сфере половой и семейной морали. Несмотря на то, что атеисты чаще состоят в браке и чаще довольны семейной жизнью, согласных с утверждением, что «брак — устаревший способ организации семейной жизни», среди атеистов — 18 процентов, а несогласных — 76 процентов; среди традиционных верующих — 11 и 84 процента; среди всех опрошенных — 11 и 76 процентов. Атеисты больше, чем «средний русский», и значительно больше, чем традиционные верующие, склонны одобрять женщину, которая хочет иметь ребенка без брака (40 процентов атеистов, 30 процентов верующих и 38 процентов опрошенных). Атеисты не очень отличаются от большинства россиян одобрением сексуальной свободы, но традиционные верующие ее совсем не одобряют. «Скорее одобряют» ее 18 процентов атеистов, 4 процента традиционных верующих и 16 процентов всех опрошенных; «скорее не одобряют» — соответственно 55, 64 и 52 процента; считают, что в семье очень важна верность супругов — 72, 80 и 72 процента; что очень важны хорошие сексуальные отношения между мужем и женой — 59, 31 и 48 процентов; что очень важно, чтобы в семье были дети, — 63, 71 и 64 процента; «полностью согласны» с тем, что дети страдают, если мать работает, — 19, 22 и 21 процент. Атеисты реже, чем опрошенные в целом, и значительно реже, чем традиционные верующие, склонны думать, что дети должны любить родителей вне зависимости от их моральных качеств (71, 86 и 75 процентов) и, значительно чаще среди них встречаются те, кто думает, что родители должны заслужить любовь детей (24, 10 и 19 процентов). Чаще атеисты упоминают среди качеств, которые они хотят видеть в детях, независимость (54, 24 и 37 процентов), воображение (13, 4 и 11 процентов), отсутствие эгоизма (18, 10 и 18 процентов), реже — послушание (21, 35 и 25 процентов).

Кроме вопросов, связанных с сексуальной и семейной сферами, еще в двух вопросах позиции атеистов и традиционных верующих отклоняются от «средней русской» в противоположных направлениях. Считают, что самоубийство никогда не допустимо, — 51 процент атеистов, 77 процентов традиционных верующих и 53 процента опрошенных; что никогда не допустима эвтаназия — 28, 54 и 30 процентов.

Различия, как видим, довольно велики, и основной их источник, разумеется, — различия объективных характеристик и психологии атеистов и традиционных верующих. Психологические особенности личности, ее моральные оценки, ее политические взгляды — все это единое целое, и столь разные фигуры, как типичный атеист и типичный традиционный верующий (вернее, типичная традиционная верующая), имели бы различные системы моральных оценок, даже если бы между ними не было никаких формальных идейных различий. Но все же эти различия имеют не только социально-психологическое, но и идейное происхождение. Это идейное происхождение — не непосредственное влияние определенной идеологии и ее организации, определяющих моральное воспитание. У атеистов такой организации вообще нет, а говорить об активном актуальном влиянии церкви на верующих — очень трудно, ибо, как мы видели, даже на горстку традиционных верующих и даже в самых основных религиозно-мировоззренческих вопросах ее влияние минимально. Если церковь не может убедить верующих, что душа — бессмертна и не переселяется из тела в тело, то вряд ли она может серьезно повлиять на систему их мо-

ральных оценок. Однако мы можем говорить о косвенном влиянии православия и церкви — через систему моральных норм и идеалов, воспринятых в процессе воспитания, укорененных в русском прошлом и сформированных при участии церкви и под ее влиянием.

Традиционные верующие ориентируются на старорусскую православную модель семьи как нерасторжимо сакрального союза, где муж — неоспоримый глава, «кормилец», которому повинуются жена и дети. Безоговорочное осуждение самоубийства и эвтаназии также связано с той же традиционной моралью. Эта мораль «подходит» социальному типу традиционных верующих. Например, безоговорочное осуждение развода для одиноких разведенных (скорее всего, не по своей инициативе) женщин может иметь колоссальное психологическое значение. Но только психологически эта мораль не объяснима. Это — православная мораль, и старая мусульманка не могла бы, наверное, так же резко осуждать развод, а старая японка не стала бы столь же безоговорочно осуждать самоубийство.

Но у атеистов тоже есть ориентация на определенный моральный идеал, на модель семьи как основанного на любви добровольного союза, в котором «не авторитарны» не только отношения между мужем и женой, но и отношения между родителями и детьми. На мой взгляд, здесь можно увидеть влияние коммунистической моральной традиции, идеальной коммунистической морали. Система моральных оценок атеистов — это, как мне представляется, не отсутствие морали и не «ослабленная» мораль, а именно иная мораль («лучше» она или «хуже» православной, мы не обсуждаем), и сейчас я попытаюсь доказать, что это действительно так.

На первый взгляд, в морали атеистов присутствует оттенок релятивизма и чуть ли не гедонистического аморализма. Так, если с утверждением, что есть абсолютные критерии добра и зла, согласились 35 процентов атеистов, 50 процентов традиционных верующих и 34 процента населения, то с противоположным утверждением, что добро и зло зависят от обстоятельств, — соответственно 54, 28 и 50 процентов; с утверждением, что цель жизни — получить от нее все самое лучшее, — 43, 21 и 38 процентов. Но очень много ответов атеистов свидетельствует о том, что этот теоретический релятивизм сочетается с очень жесткой системой оценок.

В приведенных выше ответах на вопросы атеисты и традиционные верующие отклоняются от ответов «среднего русского» в противоположных направлениях, как, вроде бы, и должно быть, ибо они представляют собой как бы два мировоззренческих полюса, между которыми — все прочие полуверующие и полуатеисты. Но, как это на первый взгляд ни странно, и в ряде ответов на наши вопросы в 1990—1992 годах, и в ответах на вопросы финских исследователей в 1996 году как атеисты, так и традиционные верующие отклоняются от большинства не в противоположных, а в одном и том же направлении.

Это прежде всего — вопросы, затрагивающие трудовую этику и все то, что можно назвать «честностью», «ответственностью», «чувством долга». Так, при всем своем «либеральном» подходе к сексуальным и семейным проблемам, атеисты, как и традиционные верующие, чаще, чем опрошенные в целом, требуют от родителей бескорыстного самоотверженного служения своим детям. С тем, что родители должны доставлять детям все самое лучшее даже ценой собственного благополучия, согласились 53 процента атеистов, 67 процентов традиционных верующих и только 49 процентов опрошенных: с противоположным утверждением, что родители должны прежде всего иметь собственную жизнь, — 27 процентов атеистов, 16 процентов традиционных верующих и 29 процентов опрошенных. И среди атеистов и среди традиционных верующих больше, чем в населении в целом, людей, говорящих, что они не представляют себе жизни без труда (33, 28 и 27 процентов), и заметно меньше — видящих в труде печальную необходимость (41, 45 и 49 процентов). Убеждены, что в конечном счете упорный труд всегда приносит жизненный

успех, среди атеистов — 24 процента, традиционных верующих — 17 процентов, всех опрошенных — 16 процентов. (Обратим внимание, что если среди атеистов много людей, занятых интеллектуальной, престижной и высокооплачиваемой работой, то среди традиционных верующих их ничтожно мало. Поэтому их относительно высокая оценка труда и даже его результатов может быть лишь следствием традиционной морали.)

Особенно много отклонений в одинаковом направлении у атеистов и традиционных верующих — в вопросах, связанных с честностью и самодисциплиной. Так, ответили «никогда» на вопросы, допустимо ли не платить за проезд в общественном транспорте, — 31 процент атеистов, 24 процента традиционных верующих и 23 процента опрошенных; обманывать государство при уплате налогов — 42, 37 и 31 процент; купить украденную вещь — 61, 70 и 57 процентов; брать взятки — 68, 75 и 66 процентов; принимать наркотики — 85, 93 и 84 процента; оставить себе найденные чужие деньги — 40, 39 и 34 процента; обманывать для собственной выгоды — 42, 39 и 32 процента; изменять жене — 41, 53 и 36 процентов (очень интересно, что атеисты чаще, чем респонденты в целом, высказываются за сексуальную свободу и свободу разводов, но реже склонны оправдывать измены). Из соображений экономии места мы не приводим еще много подобных ответов на схожие вопросы. В чем же причина подобного сходства групп не только с противоположными мировоззрениями, но и с очень разными психологиями и объективными характеристиками?

Первое естественно возникающее объяснение такого сходства — возраст. Вспомним, что в одной важнейшей демографической характеристике традиционные верующие и атеисты схожи — обе группы относительно стары, они старше «среднего русского». Между тем есть очень сильная положительная корреляция между возрастом и частотой «моральных» ответов на вопросы. Чем старше у нас человек, тем его мораль «тверже» и «строже», чем моложе — тем «мягче». Но есть и иное объяснение, которое одновременно является и объяснением этой связи «морализма» и возраста. Любая идеология содержит некоторые простые и общие моральные принципы. Как бы ни были различны по своим моральным идеалам, скажем, фашизм, коммунизм, христианство и буддизм, — они одинаково выступают против бросания мусора в общественных местах и взяток. И в вопросах мусора, взяток и т.п. «настоящие» фашисты, коммунисты, христиане, буддисты одинаково противостоят людям без серьезных убеждений, чувства долга и ответственности. Поэтому здесь может действовать просто фактор влияния более сильной и жесткой идейной системы — неважно какой. Тогда становится понятной и сильная корреляция «моральных» ответов на подобные вопросы и возраста. «Аморальность» молодежи связана со слабостью в молодежной среде любых четких идейных систем. Характерно, что группа с наиболее эклектическим мировоззрением — верящие в реинкарнацию и астрологию — в ответах на подобные вопросы регулярно и значительно отклоняется от большинства респондентов (и тем более — от атеистов и традиционных верующих) в «аморальном» направлении.

Как было показано, и атеизм и «нормальная» религиозность у нас отступают, и ни господства атеизма, ни господства православия впереди «не просматривается». Но также отступает, похоже, и жесткая, твердая (можно назвать ее «ригидной» «доматичной») мораль. И как наступает идейная, мировоззренческая неопределенность, так наступает и нежесткая, неопределенная, «ситуативная» (опять-таки, можно назвать ее «гибкой», «открытой», «недогматической») мораль, не склонная что-либо категорически исключать, говоря «никогда».

ПРИ РАЗИТЕЛЬНЫХ МОРАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЯХ традиционных верующих и атеистов между ними есть и определенное сходство в моральных оценках, есть большая группа ответов на вопросы, в которых атеисты и веру-

ющие представляют собой как бы единый «лагерь», противостоящий «прочим» и особенно — носителям «нетрадиционной» религиозности (или «псевдорелигиозности»). В сфере политики такая «зона согласия» атеистов и традиционных верующих — еще больше.

Самым главным различием в отношении к политике атеистов и верующих является то, что атеисты — неизмеримо более активны и их политические позиции более определенны, чем позиции «среднего русского», а верующие — менее активны, и позиции их менее определенны. Так, обсуждают политику с друзьями 29 процентов атеистов, 17 процентов традиционных верующих и 22 процента всех респондентов. На все имеющие отношение к политике вопросы традиционные верующие дают ответы «не знаю» значительно чаще, чем все опрошенные, и тем более атеисты. На серию вопросов типа «могли бы вы принять участие в демонстрации?.. подписать петицию и т. д.», верующие отвечают «никогда не стал бы» значительно чаще, чем респонденты в среднем и чем атеисты.

Есть и другие важные различия. Относительный оптимизм, уверенность в своих силах и активизм атеистов, противостоящие пессимизму и неуверенности традиционных верующих, не могут не иметь «социально-политических выводов». Так, считают конкуренцию делом безоговорочно хорошим 30 процентов атеистов, 15 процентов традиционных верующих и 20 процентов опрошенных. Атеисты меньше, чем большинство населения, и значительно меньше, чем традиционные верующие, склонны считать первой и второй по значению причинами бедности «невезение» (первой причиной его назвали 10 процентов атеистов, 14 процентов верующих и 12 процентов населения, второй — 16, 19 и 17 процентов). Зато «лень» в качестве первой причины назвали 20 процентов атеистов, 20 процентов традиционных верующих и 21 процент населения, а в качестве второй по значению причины — 28, 19 и 26 процентов. При ответе на вопрос, что важнее, свобода или равенство, свободу выбрали 47 процентов, 31 процент верующих и 43 процента опрошенных. Страх традиционных верующих перед миром и их авторитарные психологические черты видны в том, что 71 процент среди них назвал самой главной задачей государства порядок (среди атеистов и среди всех опрошенных порядок выбрали 64 процента). Считают, что при социальных переменах самое главное — защита от всех разрушительных сил, — 38 процентов атеистов, 50 процентов традиционных верующих и 38 процентов опрошенных.

В ответах на вопросы о конкуренции, причинах бедности, свободе и равенстве, на первый взгляд, можно усмотреть чуть ли не легкую «демороссовскую», «гайдаристскую» тенденцию атеистов. Разумеется, у части атеистов могут быть такие идеологические тенденции, но для большинства они не характерны, и хорошее отношение к конкуренции — это, скорее всего, проявление чисто психологической самоуверенности, присущей данной мировоззренческой группе. В вопросах, более четко раскрывающих социальные воззрения, атеисты отклоняются от «среднего русского» отнюдь не в «гайдаристском» направлении, и их позиции скатываются ближе к позициям традиционных верующих, чем «прочих». Так, при выборе между утверждениями, должна ли в обществе доминировать государственная или частная собственность, безоговорочно выбрали государственную 21 процент атеистов, 23 процента верующих и 16 процентов опрошенных. На вопрос о том, кто должен управлять предприятиями, отвечают: «государство» — 29 процентов атеистов, 27 процентов традиционных верующих и только 18 процентов всех респондентов; «частный собственник» — 17 процентов атеистов, 11 процентов верующих и 17 процентов опрошенных; «работники предприятия» — 37 процентов атеистов, 21 процент верующих и 33 процента опрошенных. С утверждением, что экономическая система требует изменений, безоговорочно согласились 51 процент атеистов, 43 процента верующих и 48 процентов всех опрошенных; безоговорочно против — соответственно 7, 2 и 2 процента. (Обратим внима-

ние на то, что относительно обеспеченные атеисты значительно чаще высказываются за перемены, чем живущие в безысходной бедности, но пассивные и безропотные традиционные верующие.) Мы видим несомненную «социалистическую» тенденцию атеистов и верующих, причем у атеистов она имеет некоторый оттенок «самоуправленческого» или «демократического» социализма, у традиционных верующих — «реального».

Истоки «социализма» традиционных верующих — очевидны. Во-первых, это — группа, особенно пострадавшая от «развития капитализма в России», у которой есть все основания для недовольства и ностальгии по прошлому. Во-вторых, государственная собственность, авторитарная политическая система, социальные гарантии — все это соответствует их психологии и тому патриархально-авторитарному идеалу, который проявляется и в их отношении к семье. Но «социализм» атеистов — иного происхождения (да и сам он несколько иной). Правда, атеисты тоже потеряли от капитализма несколько больше, чем «средний русский». Но положение их все же лучше, чем основной массы населения, и главное, у них неизмеримо больше оптимизма и уверенности, что они не погибнут в условиях конкуренции. Кроме того, «социалистические тенденции» мировоззрения атеистов противоречат их высокому образованию — при переходе от менее к более образованным группам процент сторонников частной собственности у нас растет, а сторонников государственной — падает. Поэтому скорее всего мы имеем дело с идейным фактором — с «социалистическими идеалами», связанными с атеизмом и сохранившимися в этой группе, как сохранился и сам атеизм.

Еще в одной группе вопросов позиции атеистов и верующих схожи. У атеистов, как и у верующих, — более сильная, чем у «прочих», ностальгия по СССР. Считают, что распад СССР можно и нужно было предотвратить, 57 процентов атеистов, 68 процентов традиционных верующих и только 47 процентов населения; что он был неизбежен — 30, 16 и 33 процента; считают, что Россия должна быть супердержавой, какой был СССР, — 69, 68 и 58 процентов; что она уже никогда не будет супердержавой — 17, 13 и 18 процентов. И опять-таки, как «социализм» атеистов имеет несколько иную окраску, чем «социализм» верующих, так и их ностальгия по СССР — несколько иная, чем у верующих. 29 процентов атеистов, 17 процентов верующих и 18 процентов населения считают, что Россия должна бескорыстно помогать бывшим братским советским республикам; 61 процент атеистов, 62 процента верующих и 66 процентов населения — что в условиях кризиса Россия должна думать прежде всего о себе. Сторонников «бескорыстной помощи» среди атеистов все же заметно больше, чем среди всех опрошенных, и их стремление к СССР имеет, таким образом, легкую интернационалистскую, идеально-коммунистическую окраску. И по этим вопросам отклонение позиции атеистов от «средне-русской» также не объяснимо фактором образования, которое у нас отчетливо коррелирует с негативным отношением к СССР.

Анализируя результаты опросов 1990—1992 годов, мы в свое время также заметили сходство политических позиций атеистов и верующих и пришли к выводу, что это сходство — глубокая основа «коммуно-патриотического» блока, соединения в единых демонстрациях несовместимых, казалось бы, монархических и красных знамен. Русское прошлое почти не знало демократии, бывшей недолгим переходным периодом между двумя «тоталитаризмами» и «империализмами» — самодержавным и советским. Оба этих основных типа нашего «прошлого» при всей противоположности идеологий, которые в них господствовали, имели схожие социально-политические черты, и, соответственно, ориентации на них тоже могут иметь схожие черты и образовывать союз, блок, идеологическую амальгаму, противостоящую западнической, демократической и капиталистической ориентации. С 1992 года выросла мощная партия, КПРФ, воплощающая это единство, сочетающая «идеалы социализма» с русской великодержавностью и смутными идеями «православной циви-

лизации» (в ее причудливой идеологии есть и третий компонент, социал-демократический, но его значение неизмеримо меньше). И вполне естественно, что опрос финских социологов показал очень большую поддержку КПРФ на выборах в Думу в 1995 году и атеистами и традиционными верующими (37 процентов и 25 процентов соответственно, при средней по выборке — поддержке в 19 процентов). Очень любопытно, что традиционные верующие больше, чем все опрошенные (9 и 7 процентов) и тем более атеисты (3 процента), поддерживают еще одну, вроде бы, прямо противоположную по идеологии партию — «Наш дом — Россия». Но, если вдуматься, все понятно: ведь это — «партия начальства», и ее поддержка верующими — традиционалистская поддержка власти как таковой, любой власти. Совершенно иначе распределены симпатии верующих нетрадиционных — верящих в астрологию и реинкарнацию. Их поддержка КПРФ — меньше, чем средняя по выборке (15 и 19 процентов). Зато их любимое движение — «Яблоко», которому они отдали 12 процентов голосов при 7 процентах всех опрошенных.

Но опрос, проведенный финскими социологами, как, впрочем, и множество других, показывает, что КПРФ — партия «стариков» — вряд ли способна сохранить свою теперешнюю мощь в относительно близком будущем. В возрастной группе 18—28 лет за нее голосовало 7 процентов, 29—39 лет — 14 процентов, 40—49 лет — 24 процента, 50—59 лет — 24 процента, 60—69 лет — 28 процентов, старше 70 — 30 процентов. Так что в той же мере, в какой нам не «грозит» массовая «нормальная» религиозность и тем более массовый атеизм, — так, в конечном счете, не «грозит» нам и возвращение ортодоксальных коммунистов, «реального социализма» и СССР.

КАК ЗАМЕЧАЛ ЕЩЕ К. МАРКС, революции очень часто рядятся в одежды прошлого. Протестанты воссоздавали древние христианские общины, французские революционеры стремились возродить древнеримские республиканские добродетели. Наша «антикоммунистическая» революция тоже шла вперед с головой, обращенной назад, к недолгому периоду относительной русской свободы и расцвета культуры между двумя «тоталитаризмами» — царским и советским. Мы «возрождали Россию», воскрешая двуглавого орла, трехцветное знамя, Государственную думу и Сенат и чуть ли не дворянство, воссоздав Храм Христа Спасителя. Но совершенно очевидно, что будущая Россия будет так же далека от этого идеала, как современная Франция — от идеалов Робеспьера и Сен-Жюста и римских республиканских добродетелей.

Нравится нам это или нет, но возрождение сколь-либо «серьезной» и «нормальной» массовой религиозности — практически невероятно. Впереди — не «религиозное возрождение России», а некая идейная неопределенность, фактически уже господствующая в нашем обществе, которую, в зависимости от вкусов, можно назвать «открытым, адогматическим, свободным миросозерцанием», а можно назвать и духовной эклектикой и энтропией, броуновским движением не связанных друг с другом, оторвавшихся от каких-либо прочных структур и не способных войти в новые такие структуры блуждающих идей. (Именно так существует у нас очень популярная идея реинкарнации, оторвавшаяся от индуизма и буддизма и вступающая в причудливые сочетания с православием, верой в прогресс, демократию и свободный рынок.) Нравится нам это или нет, но не будет впереди и господства жесткой морали, людей, застегнутых на все пуговицы и чему-то «беззаветно преданных». Скорее всего, будет мораль, которую, опять-таки в зависимости от вкусов, можно назвать гибкой, адогматичной, ситуативной, а можно — вялой, расплывчатой, неопределенной. Нового тоталитаризма скорее всего не будет, ибо для него нужны как раз честные и беззаветно преданные люди, появления которых в сколь-либо заметных количествах не предвидится. Но и демократия будет какая-то странная, не похожая на те образы, которые были у наших демократов в 1991

году, когда они могли всерьез думать, что у нас появятся мощные партии христианско-демократического и социал-демократического толка.

Мы идем не назад, а вперед, вместе со всем миром. А во всем мире происходит упадок жестких идеологий — и религиозных и нерелигиозных. Массовый атеизм остался в Северной Корее и на Кубе, а религиозное возрождение одерживает верх только в таких странах, как Афганистан и Иран. Согласно данным Всемирного исследования ценностей, людей, считающих себя религиозными, в 1991-м было меньше, чем людей, воспитанных в религиозном духе: в Польше — на 6 процентов, в Индии — на 12, Ирландии — на 22, Италии — 12, Германии — 8, Англии — 6 процентов и т.д. «Постмодернистский эклектизм» тоже нарастает во всем мире. Между прочим, по вере, например, в реинкарнацию мы далеко не на первом месте. У нас верящих в реинкарнацию в 1991 году было 17,3 процента, а в США — 21,2, Англии — 25,3, Исландии — аж 32,3 процента. Падению старого типа морали в США посвящена громадная литература, но и без всякой литературы очевидно, как рушатся ранее незыблемые моральные запреты, особенно в сфере сексуальной морали. Демократия распространяется, но она приобретает новые и странные черты: например, везде приходят в упадок политические партии; везде расшатываются как сверху — наднациональными суперструктурами, так и снизу — регионализмом, национальные государства.

Стремясь наверстать упущенное в нашем демократическом развитии и «войти в цивилизованный мир», но ориентируясь на наше прошлое и на те характеристики «цивилизованного мира», которые тоже уходят в прошлое, мы как бы пытаемся подняться вверх по эскалатору, бегущему вниз, — стремимся к возрождению традиционной религии на фоне ее повсеместного отступления, создаем национальное государство и партии на фоне их упадка и т.д. Естественно, это у нас не очень получается.

Но, может быть, течение, влекущее нас в неизвестное и странное будущее, — это просто плохое течение, и ему надо сопротивляться, плыть против него, как бы это ни было трудно? Автор данной статьи — человек уже далеко не молодой, и должен признаться, что современные тенденции ему не очень нравятся. Астрология вызывает у него даже злобу (впрочем, тщательно подавляемую). Но это — естественно, так всегда бывает с немолодыми людьми. Если же отвлечься от этого возрастного и «поколенческого» брюзжания, надо признать, что наступающее будущее — не плохое и не хорошее. В нем есть и плохое (вызывающие эстетический и моральный протест эклектизм и «несерьезность» идей) и хорошее (терпимость, очень малая вероятность тоталитаризма и преследований за идеологию — за отсутствием идеологии). И в нем, несомненно, будут свои хорошие и плохие варианты. Будущее — как новый возраст, который не плох и не хорош; он может быть и плох и хорош, но главное в нем — что он неизбежен. Но в отличие от отдельного человека, который может все же представить себе проблемы и задачи следующего возрастного этапа (ибо циклы человеческой жизни повторялись миллиарды раз), человечество и его цикл — уникальны. Черты и проблемы следующего этапа развития представить себе очень трудно, ибо нет аналогий, примеров старших; они всегда будут в значительной мере не представимы и странны. Работа финских социологов, как и наша более ранняя работа, позволяет чуть-чуть заглянуть в это странное будущее, разглядеть некоторые его черты и увидеть, как оно незаметно, но быстро подкрадывается, превращаясь в настоящее.